

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-41-57

Т.Л. Лабутина

**РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1741–1743 гг.
В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ПОСЛОВ В РОССИИ**

T.L. Labutina

**THE RUSSIAN-SWEDISH WAR OF 1741–1743 IN THE
ASSESSMENTS OF THE BRITISH AMBASSADORS IN RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена важным аспектам русско-шведской войны 1741–1743 гг., слабо изученной в отечественной историографии. Война велась на протяжении трех кампаний, очевидцами которых стали два британских посла в России — Э. Финч и С. Уич. Опираясь на дипломатическую переписку британских послов, впервые вводимую в научный оборот в российской исторической науке, автор анализирует передаваемую ими в Лондон информацию, полученную от высокопоставленных российских чиновников, в том числе командующих войсками. Она, в частности, касалась состояния вооруженных сил России накануне войны со Швецией. Дипломаты отмечали слабые стороны российского флота, о чем извещали свое руководство. Прослеживая ход войны, послы сообщали госсекретарю о ее причинах, главная из которых заключалась в стремлении шведов добиться отмены условий Ништадтского мира и возвращения утерянных во время Северной войны 1700–1721 гг. территорий. Оба посла признавали смелость и героизм русских воинов, проявленных в боях с противником, а также их гуманное обращение с пленными шведами. В то же время они обратили внимание на проявление жестокости со стороны представителей иррегулярных войск, участвовавших в рейдах по Финляндии. Из депеш послов выяснилась также позиция, занятая рядом стран в отношении конфликта России и Швеции: враждебная со стороны Франции и в целом благожелательная со стороны официального Лондона, не желавшего портить отношений с русским двором в преддверии заключения союзного договора 1742 г. Бесспорный интерес вызывают манифесты (текст которых приведен

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН

Labutina Tatiana Leonidovna, Doctor in History, Professor, Chief Research Fellow, Head, Centre for History of Cross-Cultural Communications between the West and the East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

tlabutina2007@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2609-4175

в переписке дипломатов) шведского короля и российской императрицы к населению приграничных территорий, направленные на сохранение лояльности по отношению к войскам противника. Представленные британскими послами и проанализированные в статье факты о русско-шведской войне восполняют существующую лакуну одного из эпизодов российско-шведских отношений середины XVIII в.

Ключевые слова: русско-шведские отношения, британские послы, российская армия XVIII в. в., канцлер АИ. Остерман, иррегулярные войска, Абоский мир 1743 г.

Abstract. The article covers the important aspects of the Russian-Swedish war of 1741–1743, which has attracted little attention in Russian historiography. The war was waged over three campaigns, witnessed by two British ambassadors in Russia, Edward Finch and Cyril Wyche. Based on the diplomatic correspondence of the British ambassadors, previously unexplored in the Russian historical science, the author analyzes the information which they received from high-ranking Russian officials, including commanders of the troops, and then passed on to London. In particular, it concerned the state of the Russian armed forces on the eve of the war with Sweden. The diplomats noted and informed their superiors about the weaknesses of the Russian navy. Keeping track of the course of the war, the ambassadors briefed the Secretary of State about its causes, the main being the desire of the Swedes to abrogate the conditions of the Nishtad peace and regain the territories lost during the Northern War of 1700–1721. Both ambassadors acknowledged the courage and heroism shown by the Russian soldiers in battles with the enemy, as well as their humane treatment of the captured Swedes. At the same time, they drew attention to the manifestations of cruelty inflicted by irregular troops who participated in the raids in Finland. The dispatches of the ambassadors also reveal the stance taken by a number of countries towards the conflict between Russia and Sweden: hostile on the part of France and generally benevolent on the part of official London, which did not want to spoil relations with the Russian court on the eve of the conclusion of the 1742 Treaty of Alliance. Other documents of indisputable interest are manifestos (included in the correspondence of diplomats) addressed by the Swedish king and the Russian empress to the population of the border territories and aimed at showing goodwill towards the enemy troops. The facts about the Russian-Swedish war presented by the British ambassadors and analyzed in the article fill the existing gap in one of the episodes of Russian-Swedish relations in the middle of the eighteenth century.

Keywords: Russian-Swedish relations, British ambassadors, Russian army of the eighteenth century, Chancellor A.I. Osterman, irregular troops, Abo Peace Treaty of 1743.

* * *

Русско-шведская война (1741–1743), недостаточно изученная историками¹, была тесно связана с обострением международной

¹ Подробнее о событиях русско-шведской войны см.: *Шпилевская Н.С.* Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859; *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 2. М., 1998; *Шефов Н.А.* Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000.

обстановки в Европе, вызванной кончиной австрийского императора Карла VI в октябре 1740 г. и возникшим в связи с этим династическим кризисом. Это привело вскоре к общеевропейскому конфликту — войне за австрийское наследство (1740–1748 гг.). В этой войне Россия поддерживала Австрию, а Франция — Швецию. В 1741 г. Швеция начала войну с Россией с целью вернуть территории, утраченные ею по Ништадтскому миру (1721), положившему окончание Северной войне 1700–1721 гг. Кроме того, шведы надеялись захватить территорию между Ладогой и Белым морем. Российская сторона преследовала цель защитить рубежи империи, стремясь, для большей безопасности столицы, отодвинуть границу со Швецией к северо-западу от Карельского перешейка. Поскольку в Швеции в 1730-е гг. к власти пришла так называемая «партия шляп», которая выступала за восстановление позиций Швеции на международной арене и вела себя довольно воинственно, русское правительство надеялось также добиться утверждения на шведском престоле князя-епископа Любекского Адольфа Фредерика, который доводился дядей наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу².

Русско-шведская война велась на протяжении трех кампаний, очевидцами которых стали два британских посла в российской столице: Э. Финч и С. Уич. Обращение к информации, которую дипломаты пересылали в Лондон, позволяет составить более полное представление о событиях войны, еще недостаточно изученной в отечественной науке.

Первая кампания войны пришлось на время пребывания в России Эдварда Финча. Несколько слов о дипломате. Эдвард Финч-Хаттон (1697–1771) происходил из знатной аристократической семьи графа Ноттингема. Начальное образование получил в частной школе, а затем, когда ему исполнилось 16 лет, был принят в Тринити-колледж в Кембридже. Получив степень магистра, Эдвард отправился в большое турне по Европе, посетил Францию, Италию, Ганновер. По возвращении на родину Финч начинает свою дипломатическую карьеру в качестве чрезвычайного посланника на императорском сейме Регенсбурга зимой 1724–1725 гг. Затем в качестве министра на протяжении 1734–1741 гг. он представлял Великобританию поочередно в Польше, Швеции и России. Одновременно с дипломатической деятельностью совмещал работу в парламенте. Впервые Финч одержал победу на выборах в парламент в 1727 г. Впоследствии Финч

² Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860--1914 гг. Военная энциклопедия. — URL: https://runivers.ru/conflicts/conflict/c2/russko_shvedskaya_voyna_1741_1743_gg/ (дата обращения 03.11.2022)

неоднократно занимал депутатское место, представляя в парламенте Кембриджский университет. Как видно, прибывший ко двору императрицы Анны Иоанновны в 1739 г. британский посол являлся опытным дипломатом и известным парламентарием.

Как правило, британские послы, отправляясь в Россию, получали от короля Георга II инструкции, одна из которых предписывала сбор информации о флоте и вооруженных силах Российской империи. Неудивительно, что Эдвард Финч до объявления Швецией войны внимательно наблюдал за развитием событий и тем, как русское правительство принимало меры для защиты своей территории. Так, он сообщал госсекретарю лорду Гаррингтону, что русский двор начинает «терять терпение» и рад бы «положить конец дерзости» Швеции, если бы только был в состоянии выполнить свою задачу. Между тем сделать это он не может из-за недостатка военных судов и их недокомплекта экипажами. В этой связи, продолжал Финч, русские надеются заручиться помощью английской эскадры, которая могла бы сопровождать их флот при выходе в море. В то же время посол отмечал, что с сухопутными войсками дело обстоит лучше. В ближайшее время, по его сведениям, на территории от Выборга до Риги, будет сосредоточено 108 тыс. чел., не считая трех полков гвардии, насчитывавших 9 тыс. Еще на подходе 9 тыс. кавалерии и 6 тыс. иррегулярных войск, способных, на взгляд Финча, «утомить неприятеля и разорить страну в неделю более, чем двойное число регулярных войск за целую кампанию»³.

В одном из своих донесений в Лондон Финч подробно излагал расстановку сил в российских сухопутных войсках, расположенных в окрестностях Петербурга под командованием генерал-аншефа Якова Кейта. Пять полков, общей численностью в 30 тыс. человек расположатся лагерем, с тем чтобы быть «всегда под рукой, как только понадобятся». Таким образом, заключал Финч, сухопутными силами русские располагают «в избытке»⁴.

Между тем канцлер граф А.И. Остерман, полагавший, что война со Швецией неизбежна, в разговоре с послом поднял вопрос о привлечении английской эскадры для оказания помощи России, чтобы добиться скорейшего окончания конфликта. Если же король в том откажет, продолжал канцлер, то Россия самостоятельно «выпутается из своего положения, как сумеет». При этом граф «с большим искусством» намекал послу, что при желании русский двор может всту-

³ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (с 7 марта 1741 по 16 июля 1742 г.) // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 91. СПб., 1894. С. 133–135.

⁴ Там же. С. 151–152.

пить с Францией в любое соглашение и будет принят ею «с распростертыми объятиями»⁵. Судя по всему, Остерман пытался сыграть на существующих противоречиях соперников — Великобритании и Франции, чтобы подтолкнуть англичан к оказанию помощи в приближающемся конфликте со Швецией.

В свою очередь, пытаясь не допустить сближения России с Францией, официальный Лондон посоветовал Финчу скомпрометировать Версаль. Георг II предложил послу передать конфиденциально графу Остерману, что «по самым достоверным известиям, не только все ... приготовления Швеции к нападению на царя⁶ вызваны французским золотом и ... интригами, но представители Франции еще немало хлопотали и о том, как бы вызвать и короля прусского на субсидию Швеции именно с целью ободрить ее на вторжение в русские пределы»⁷. Договор между королем Пруссии и шведами, продолжал госсекретарь, еще не состоялся единственно из-за разногласий по поводу места действия шведских войск. В то время как прусский король, готовый выдать субсидию шведам в миллион крон, требовал от них открыть военные действия не только в Финляндии, но и в Ливонии, то Швеция, соглашаясь принять деньги, соглашалась действовать только в Финляндии. Кроме того, отмечал госсекретарь, русский двор может быть уверен, что Франция окажет всяческое содействие представителям Швеции в Константинополе «в их интригах при Порте», а также воспользуется своим влиянием в Копенгагене, чтобы отвлечь Данию от выполнения обязательств по ее оборонительному союзу с Россией. «Короче, пора русским разочароваться в ... мысли о склонности французского двора сблизиться с ними; ни одно руководящее правило французской политики не установилось, не упрочилось с такой полнотой, как правило, о необходимости сломить настоящую силу и влияние России», — резюмировал лорд Гаррингтон⁸.

Вскоре королю доложили, что граф Остерман вошел в положение Великобритании и признал невозможным отправление английской эскадры в Балтийское море. Канцлер заявлял, что русское правительство даже в случае, если британская эскадра не явится на помощь, тем не менее, сохранит дружеское расположение к Англии. Георг II выражал надежду на то, что русское правительство, принимая во внимание чрезвычайные расходы, которые в настоящее время

⁵ СИРИО. Т. 91. С. 154–155.

⁶ Речь идет об Иване VI (Иоанне Антоновиче), который, будучи младенцем, формально царствовал с октября 1740 по ноябрь 1741 г.

⁷ СИРИО. Т. 91. С. 183–184.

⁸ Там же. С. 184.

ложатся на короля (имелось в виду участие в войне за австрийское наследство), будет довольно готовностью англичан выплатить России при первой возможности определенную денежную сумму взамен присылки эскадры. Король выражал надежду также на то, что Россия не будет настаивать на немедленной выплате этих денег.

В очередной беседе с Финчем граф Остерман заметил, что в сепаратной статье оборонительного договора, заключенного Россией и Великобританией в Петербурге в 1741 г., не упоминается о замене военной помощи деньгами, а потому отказался их принимать взамен эскадры в случае войны со Швецией. «Раз мы не получим эскадры, на которую было вполне рассчитывали, нам придется обойтись своими средствами, — продолжал канцлер. — Если эскадра явится, наша война со Швецией будет кратковременна, без нее война может затянуться; опасности для России она, конечно, не представляет, но в течение войны мы не в состоянии будем помочь никому»⁹.

О своем нежелании поддержать Россию на море в случае нападения Швеции руководство Великобритании упоминало не раз. В одной из своих инструкций Финчу лорд Гаррингтон писал: «Королю решительно невозможно удовлетворить ожиданиям русского двора», поскольку придется выслать силы, которые должны значительно превосходить войска неприятеля, условленные трактатом. Сделать же это «решительно невозможно, пока корабли наши плавают в американских водах, флоты же Франции и Испании столь значительны...»¹⁰. Судя по всему, англичане, несмотря на существующий оборонительный договор, не собирались оказывать военную помощь России.

Между тем в России полным ходом шла подготовка к войне. 11 августа 1741 г. канцлер пригласил Финча, чтобы сообщить ему, что Швеция объявила войну России. Судя по содержанию манифеста шведского короля, причинами конфликта шведы считали нарушение Россией 7 параграфа Ништадтского мира о невмешательстве во внутренние дела королевства; приостановку Анной Иоанновной с 1735 г. беспошлинного вывоза российского хлеба в Швецию в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1735–1739 гг., что привело в 1740 г. к голоду в стране. Наконец, негодование шведов вызвало убийство русскими офицерами шведского дипкурьера графа М. Синклера, который возвращался из Турции с важными документами¹¹. Тем не менее, какие бы причины для начала войны ни называли шведы,

⁹ СИРИО. Т. 91. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 215–216.

¹¹ Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск. 860–1914 гг.

главным оставалось их стремление вернуть себе территории, утерянные в период Северной войны.

Надо отметить, что незадолго до начала боевых действий шведы попытались привлечь на свою сторону население приграничных российских территорий. Об этом убедительно свидетельствует содержание манифеста командующего королевской армией Швеции генерал-аншефа графа Карла Эмиля Левенгаупта, текст которого Финч привел в приложении к своему письму госсекретарю 22 сентября 1741 г. В манифесте Левенгаупт объявлял, что армия короля прибыла в русские пределы «единственно для вознаграждения Швеции за все неправды и ... обиды, которым она подвергалась от иноземного правительства... господствующего в России». При этом граф пытался прикрыть агрессивные цели шведов благородными намерениями — освободить русский народ «от почти невыносимого ига и жестокости», которое правительство долгое время проявляло по отношению к своим подданным, лишая многих людей состояния, а порой и жизни. Усилия шведов, продолжал Левенгаупт, направлены к защите «самого достохвального русского народа», к его освобождению от притеснений и тирании чужеземцев (здесь граф явно намекал на засилье немцев при дворе Анны Иоанновны и ее преемников. — *Т.Л.*), чтобы народ мог «свободно избрать себе законного государя, под властью которого жизнь и имущество русских подданных находились бы в безопасности». Важным для русского народа Левенгаупт считал достижение «доброе соседства» со Швецией, сохранение между народами нерушимой дружбы, невозможной, на его взгляд, пока иностранцы, «руководствуясь личными видами и самовластием, управляют верными подданными русской короны с такой жестокостью и нарушают спокойствие своих соседей и союзников». В заключение манифеста всем русским людям, разделявшим взгляды шведского короля, обещалось покровительство его величества, а также сохранение жизни и имущества¹².

Надо сказать, что подобный прием — стремление привлечь на свою сторону народ страны противника обещаниями избавить его от угнетения собственным правителем — был не нов. Еще в начале XVII в., в период Смуты, когда англичане предпринимали попытки колонизации Русского Севера, они также выражали уверенность в лояльности русского народа по отношению к захватчикам, объясняя это его желанием избавиться от притеснений со стороны своего правительства¹³. Но, как показала история, из этой затеи у «освободи-

¹² СИРИО. Т. 91. С. 277–278.

¹³ См.: *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С.108.

телей» ничего не вышло. Бесплезным оказался и манифест шведов, хотя, на взгляд Финча, он должен был бы убедить «притворных маловеров» в правдивости намерения Швеции «подорвать самые корни настоящего правительства»¹⁴.

23 августа 1741 г. между русскими и шведами состоялось первое сражение. Информацию об этом Финч получил от фельдмаршала П.П. Ласси. В своей депеше в Лондон Финч докладывал, что после кровопролитного и упорного боя русские одержали полную победу над значительным шведским корпусом под командованием генерала К. Врангеля. И далее посол подробно описывал это событие. Фельдмаршал имел в своем распоряжении около 14 тыс. человек, у генерала Врангеля было 11 тыс. Шведы находились в более выгодном положении, поскольку справа от них располагалась крепость Вильманstrand, а слева — холм, так что при начале атаки русские гренадеры оказались одновременно под огнем полевых орудий и пушек крепости. Тем не менее, они двинулись «с такой решимостью и храбростью», что выбили шведов с позиции на правом фланге. Хуже обстояло дело на левом крыле, «пока фельдмаршал не помчался к нему лично и не приказал атаковать шведов с фронта, сам же он стал во главе отряда драгун, который ... скрыт был в лесу; с ним ринулся на шведов с фланга, и сломил их совершенно». Остатки шведской армии, продолжал Финч, бросились в крепость, но после двухчасовой обороны вывесили белый флаг. Русские гренадеры ворвались в крепость с оружием в руках. «Шведы, храбро сражавшиеся до этой минуты, — продолжал посол, — перешли к отчаянной самозащите, и с обеих сторон пролито было много крови». Фельдмаршал отдал приказ щадить неприятелей, которые сдавали оружие. Таким образом, подводил итог сражения англичанин, в плен было взято около 2 тыс. чел., включая самого генерала Врангеля, который был тяжело ранен. По информации, добытой Финчем, шведы потеряли в сражении от 7 до 8 тыс. чел., русские — более 3 тысяч¹⁵. Позже посол уточнил сведения о погибших и раненых. Выяснилось, что русские потеряли убитыми 528 чел., ранеными более 1900 чел.; у шведов убито около 2 тыс. чел., захвачено в плен 1600 человек¹⁶.

В одной из депеш Финч рассказал о судьбе пленных шведов, доставленных в Петербург в начале сентября 1741 г. Их привели ко двору, где правительница, великая княгиня Анна Леопольдовна лишь взглянула на них, проходя в придворную церковь через большой зал

¹⁴ СИРИО. Т. 91. С. 281.

¹⁵ Там же. С. 256–258.

¹⁶ Там же. С. 263.

дворца. Затем пленных распределили по домам дворян. Примечательно, что высшие чины (подполковник Аменов, граф Вассеборг) были удостоены чести поселиться у графа Остермана и фельдмаршала Ласси. Генерала Врангеля предполагали устроить у обер-гофмаршала графа Левенвольде, Как свидетельствовал Финч, со всеми офицерами обращаются «гуманно и заботливо». «Они охраняются только собственным честным словом, а штаб-офицерам возвращены даже шпаги», Оправившихся от ран офицеров предполагают отправить в другие города, поскольку оставлять их всех в Петербурге, было бы, на взгляд посла, «неосторожно». Многие будут направлены в Москву. Двор снабдил их деньгами под расписку, «в размере, которого они желали, или сообразно с их ближайшими потребностями». Как бы то ни было, заключал Финч, «здешнее правительство намерено обращаться с ними со всем уважением, которого заслуживают храбрые люди в несчастии»¹⁷.

Победа русских, на взгляд Финча, была убедительной, отборная часть шведской армии оказалась разбитой. В Петербурге по случаю победы с адмиралтейства и крепости были произведены выстрелы, а в придворной церкви совершился молебен. Все представители иностранных государств явились ко двору с поздравлениями. А вскоре состоялось чествование героев сражения. Фельдмаршалу П.П. Ласси великая княгиня Анна Леопольдовна пожаловала поместье в Ливонии, стоимостью в 10 тыс. фунтов; генералу Кейту — ежегодный пенсия в 4 тыс. руб.; генералам Бахметову и Штоффелю — добавочное годовое содержание. Штоффель получил также орден св. Александра Невского (Бахметов уже имел этот орден). Тем же орденом наградили генералов Фермора, Альбрейта и Ливена. Всем полковникам, подполковникам и майорам, участвовавшим в сражении, было выдано годовое, а чинам, ниже майора, дополнительное трехмесячное жалованье.

Одержанная победа, однако, не завершила войну. Осенью 1741 г. продолжались отдельные столкновения со шведами отрядов иррегулярных войск (казаков, гусар, драгун) на территории Финляндии. Как отмечал Финч, атаки русских чаще всего оказывались успешными. Между тем он обращал внимание на жестокость, проявленную в сражениях казаками. Ссылаясь на сведения, полученные от фельдмаршала Ласси, Финч упоминал о действиях отряда из 200 гусар и 60 драгун, которые, проникнув в Финляндию, сожгли около 300 деревень (деревней, пояснял посол, называется каждый поселок в одну-две крестьянские избы), перебили всех жителей, не успевших бежать и оказавших малейшее сопротивление, уничтожили фураж и

¹⁷ Там же. С. 271–272, 275.

увели весь скот¹⁸. В другой депеше госсекретарю посол рассказывал о вторжении в Финляндию отряда под предводительством казака Ефремова, который опустошил значительную часть неприятельской территории. Казаки «вырезали» 70 человек, захватили 36 пленных, кроме 24 женщин и детей, а также 500 голов рогатого скота, 76 лошадей и значительное число овец. Финч заключал: каков бы ни оказался окончательный результат войны, «бедной Финляндии грозит полное разорение»¹⁹.

В то же время каких-либо серьезных столкновений на русско-финской границе не происходило. Русский двор, как утверждал Финч, считал мир со Швецией решенным и надеялся на скорое примирение. Но все же армия готовилась к новой кампании, о чем посол сообщал госсекретарю 2 февраля 1742 г. Однако освещение событий, связанных с продолжением войны, выпало на долю уже другого британского посла, С. Уича, прибывшего ему на смену.

Сирил Уич (1695–1756) происходил из семьи известных дипломатов. Отец Сирила являлся чрезвычайным посланником в Гамбурге, дед Питер Уич — послом в России и Польше, прадед — послом в Османской империи. Неудивительно, что и Сирил пошел по стопам своих предков. В возрасте 19 лет он был назначен временным поверенным в делах в Гамбурге. В 1725 г. получил пост чрезвычайного посланника в Нижней Саксонии. С 1741 по 1744 г. Уич являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром в России.

В своих депешах в Лондон Уич, как и его предшественник, большое внимание уделил освещению событий, связанных с русско-шведской войной. Хотя отдельные набеги иррегулярных отрядов гусар и казаков на приграничные районы в Финляндии еще продолжались, отмечал он, но боевая кампания уже не велась, и после вступления на престол Елизаветы Петровны 25 ноября (6 декабря) 1741 г. военные действия прекратились. Между тем шведская сторона на мирных переговорах на уступки не шла и продолжала настаивать на пересмотре Ништадтского мира, с чем Россия никак не могла согласиться. В результате переговоры были прерваны, и летом 1742 г. война возобновилась. Войска П.П. Ласси общей численностью в 35 тыс. человек перешли в решительное наступление на юге Финляндии. Об этих событиях С. Уич подробно поведал в своих депешах в Лондон.

Как извещал Уич госсекретаря, предложения Швеции об уступке Кегскольма и Выборга с выплатой трех миллионов в качестве компенсации за понесенные издержки, были «с презрением» отвергну-

¹⁸ СИРИО. Т. 91. С. 315.

¹⁹ Там же. С. 318–319.

ты императрицей Елизаветой Петровной, и шведы убедились, что русский двор решил возобновить войну. И действительно, судя по сообщению Уича, «русский двор не увлекается разговорами, и приготовления к открытию кампании продолжают с всевозможной поспешностью»²⁰. Посол обещал госсекретарю выслать подробный список русских войск, предназначенных для действий в Финляндии, а также их расположение. Как видно, подобной информацией о русских вооруженных силах он располагал в полном объеме. Этот факт подтверждают и свидетельства Уича о флоте. В Кронштадте, докладывал он госсекретарю, находятся 17 хорошо снабженных кораблей, но которые не могут быть задействованы из-за недостатка в офицерах и матросах. У русских имеется еще 15 больших и малых кораблей в Архангельске с 6 тыс. моряков под командой вице-адмирала Бредаля. В случае, если эти корабли объединятся с кронштадтскими судами, то Россия сможет действовать наступательно на море, также, как на суше. Кроме того, продолжал Уич, русские располагают 130 галерами, которые содержатся в полном порядке. Из них 70 галер смогут спуститься вниз по Неве, как только река вскрыется. Этими галерами «русские могут сильно досажать соседям», так как в каждой из них три пушки; каждая может принять 200 солдат с офицерами. «С этими силами русские могут совершать большие, неожиданные переходы и вторжения», — заключал Уич²¹.

Спустя неделю Уич, как и обещал, передал госсекретарю сведения о русских войсках. Из всей армии, писал он, выбрано 45 гренадерских рот, в каждой из которых по 150 человек. Все гренадеры «молодец к молодцу», обученные и вооруженные так, «что лучшего обучения и вооружения я нигде в Европе не видывал. Вообще все русские войска в хорошем состоянии», — заключал посол²².

В той же депеше Уич сообщил о манифесте царицы, который распространяли среди жителей герцогства Финляндского. Цель манифеста заключалась в том, чтобы заставить финнов отказаться от шведского подданства и установить у себя новую форму правления, при которой герцогство управлялось бы собственным главой, а это послужит своеобразной преградой между Россией и Швецией. Пока же, оставаясь соединенной со Швецией, Финляндия при всех столкновениях России со шведами всегда будет подвергаться вторжению и служить театром военных действий. Если Финляндия согласится на подобный план, то императрица обещала ее жителям помощь в установлении новой формы правления, а также покровительство и

²⁰ СИРИО. Т. 91. С. 454.

²¹ Там же. С. 455.

²² Там же. С. 456.

поддержку «всеми своими силами». Но если финны отвергнут столь выгодное предложение и будут по-прежнему поддерживать шведов в войне, то императрица вынуждена будет «разорить всю страну огнем и мечом». И далее посол добавлял уже от себя: «Насколько слышно, русские, в случае продолжения военных действий, действительно намерены обратить герцогство в пустыню»²³.

Тем временем русские войска продолжали наступление. 29 июня 1743 г., когда русская армия подошла к Фридриксгаму, шведы подожгли город и отступили. Русские заняли город, в котором нашли около 80 пушек, а также различную амуницию, после чего отправили иррегулярные войска (гусар, казаков, калмыков) в погоню за шведами, отступавшими в большом беспорядке. В результате этого столкновения, как сообщал Уич, шведы понесли потери: около сотни убитыми. Столько же человек было взято в плен.

В депеше от 12 июля Уич сообщал, что русские переправились через реку Кюммене, преследуя отступающих шведов. «При таком ходе дел здешний двор нелегко будет склонить к миру на основаниях Ништадтского договора, — полагал посол, — он будет, вероятно, настаивать на новых границах, способных впредь ... оградить от нападений шведов со стороны Финляндии»²⁴. Хотя императрица и отдала приказ остановить войска на реке Кюммене, объявив ее границей и построив там укрепления, Ласси продолжил кампанию. Об этом Уич узнал из письма, отправленного ему из Петербурга командующим Балтийским флотом графом Н.Ф. Головиным, в котором сообщалось, что русский флот стоит под Гельсингфорсом (Хельсинки), «куда загнал шведский флот», и таким образом русские суда блокируют неприятеля в его собственной гавани. Примечательно, что посол полагал, будто подобную тактику русский флот позаимствовал у англичан²⁵.

Как бы то ни было, но русские войска продолжали успешно наступать. 9 августа 1742 г. Уич сообщал в Лондон, что, по всей вероятности, русские вскоре завладеют всем финляндским княжеством, поскольку шведы почти не сопротивляются и терпят одно поражение за другим «при каждой встрече, при каждой стычке». 11 августа русские подошли к Гельсингфорсу. Шведы, как отмечал Уич, занимали в этой местности очень выгодную позицию, но при приближении русских, сняли лагерь и отступили, оставив на месте часть обоза, амуниции и большой запас сухарей. При отступлении они «силь-

²³ СИРИО. Т. 91. С. 458.

²⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с июля 1742 года // СИРИО. Т. 99. С. 16.

²⁵ Там же. С. 24.

но пострадали от русской артиллерии, положившей около двухсот человек шведской гвардии». Эскадра вице-адмирала З.Д. Мишукова блокировала Гельсингфорс с моря. В это же время русский комендант в Кексгольме отправил отряд в 500 человек с несколькими пушками, чтобы атаковать шведское укрепление Нейшлот. Гарнизон в 250 финнов при первом же предложении сдаться сложил оружие, заявив, что не желает вступать в бой с русскими, которые немедленно и заняли укрепление, позволив всем разойтись по домам. Примечательно, что, как отмечал Уич, многие округа Финляндии отправили к фельдмаршалу Леи депутации с заявлением «о покорности и о готовности принести верноподданническую присягу царице»²⁶. Как видно, манифест Елизаветы Петровны оказал свое влияние на жителей Финляндии. 24 августа 1742 г. деморализованная шведская армия капитулировала. На следующий день шведы подписали капитуляцию. Кампания закончилась со славой для русских, свидетельствовал британский посол. Россия теперь владеет всем княжеством Финляндским, а «слава Швеции померкла, дела ее в таком плачевном состоянии, что ... они [шведы] вынуждены будут принять мир на всяких условиях, какие бы русский двор ни предписал им»²⁷.

Успехи русской армии и флота в Москве, где в это время пребывала императрица и ее двор, ознаменовались пушечной стрельбой со стен Кремля. «Дела Швеции очень плохи, и если бы царица чувствовала склонность воспользоваться своим положением и расширить свои владения — она, несомненно, могла бы приобрести всю Финляндию; но Ее Величество, кажется, намерена примириться на условиях более скромных», — свидетельствовал Уич и далее продолжал: «Сомневаюсь, чтобы теперь она согласилась на восстановление условий Ништадтского мира, и полагаю, что она ... будет настаивать на присоединении к России Финляндии по эту сторону Кюмени. Река эта пересекает всю страну и в ней видят необходимый оплот против шведских вторжений в Россию со стороны Финляндии в будущем»²⁸.

Надо отметить, что бесспорный интерес вызывает информация посла о последующих событиях после подписания шведами капитуляции. В своей депеше в Лондон от 6 сентября 1742 г. Уич сообщал, что фельдмаршал Ласси принял у себя командующего шведской армией генерала Бускета с просьбой, чтобы его войскам разрешили сесть на суда с оружием и багажом и возвратиться в Швецию. Финны, желавшие остаться в Финляндии, должны были сложить оружие и

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Там же. С. 49–50.

разойтись по домам. Вся тяжелая артиллерия, амуниция, находящиеся в Гельсингфорсе, Або, Вазе и других городах, достается русским. Чтобы шведские полки не подверглись на обратном пути нападению или захвату со стороны русского флота, фельдмаршал должен выдать им пропуск, обеспечивающий защиту²⁹. По-видимому, шведы имели все основания рассчитывать на милость победителя.

8 сентября 1742 г. русские войска заняли столицу Финляндии Або. В конце декабря в Петербург прибыли шведские депутаты (граф Бонде, барон Гамильтон и барон Шеффер), чтобы обсудить условия мирных переговоров. Уич сообщал госсекретарю о том, какой нелюбезный прием был им оказан. Депутатов закрыли в домах под охраной двух офицеров и не разрешали ни с кем разговаривать иначе, как в их присутствии. Депутаты привезли с собой два письма: одно было адресовано царице, второе великому князю. Поскольку письмо на имя императрицы было написано по-французски, вопреки обычаям, установленным между русским и шведским дворами, а также замеченным «недочетам» в написании титулов, императрица отказалась принять его и предоставить депутатам аудиенцию.

30 декабря 1742 г. депутатам все же позволили явиться ко двору в качестве частных лиц, но не допустили в царские апартаменты. Они должны были стоять в галерее, через которую императрица проходила в зал, где играла в карты. Уич в это время находился поблизости от Елизаветы Петровны и следовал за ней из ее апартаментов. Он свидетельствовал: когда императрица проходила по галерее, шведские депутаты стояли там, в толпе из 200 или 300 лиц «всякого звания», и поцеловали руку императрицы, не сказав ни слова. Государыня села за карты, партию ей составил Уич. «Мы играли уже с полчаса, когда шведские депутаты вошли в комнаты ... но ее величество не сказала ни слова, ни Шефферу, ни Гамильтону», — свидетельствовал посол³⁰.

Шведским депутатам пришлось разговаривать с министрами. Они настаивали, чтобы переговоры о мире велись без вмешательства какой-либо третьей стороны. Уич полагал, что русский двор при первой возможности отправит депутатов обратно в Швецию, а разговоры о мире отложит до встречи уполномоченных России и Швеции, как было установлено на конгрессе в Або. Британский посол оказался прав: 4 января 1743 г. шведские депутаты были приглашены на обед к вице-канцлеру, который должен был передать им паспорта для возвращения в Швецию. При отъезде им вручили в качестве подарка 5 тыс. руб., а также оплатили их проживание.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 203.

3 февраля 1743 г. в Або начались переговоры о мире. Россию представляли генерал-аншеф А.И. Румянцев и полный генерал-инженер И.Л. Люберас. Шведскую сторону представляли барон Г. Седеркрейц и бывший посол Швеции в России Эрик фон Нолькен. Императрица известила шведскую сторону об ограничении своих требований в случае, если наследником престола Швеции будет объявлен князь епископ Любекский Адольф Фредрик. Переговоры затянулись. Серьезные разногласия возникли по вопросу о Финляндии. Как отмечал Уич, ряд сенаторов, в числе которых князь Долгорукий, князь Трубецкой, фельдмаршал Ласси, адмирал Головин, князь Куракин и другие, «стоят за удержание всей Финляндии» или, по крайней мере, большей ее части, и считают необходимым «удовлетворить самолюбие русского народа» и настаивают на новых границах.

Пока шведы отвергали предложения русской стороны, в России начались приготовления к началу новой военной кампании. 20 тыс. человек были готовы к посадке на галеры. 15 линейных кораблей, несколько фрегатов, бомбардирских судов и брандеров ожидали приказа в Кронштадте. 31 мая отряд Ласси на 36 галерах двинулся вдоль финского побережья для поддержки войск, расположенных в Финляндии. Гребную флотилию прикрывала русская эскадра из 15 линейных кораблей под командой адмирала графа Н.Ф. Головина. 20 мая авангард гребных кораблей из 21 галеры и 2 прам, под началом генерала Я.В. Кейта нанес поражение шведской гребной флотилии. В июне русская гребная эскадра, увеличенная до 57 галер, продолжила поход вдоль финского побережья и по пути получила известие о заключении 18 августа Абоского мира. Обмен ратификациями состоялся 7 сентября 1743 г.

Рассуждая о сложившейся ситуации накануне заключения мирного договора, Уич высказывал предположение, что шведы не могли забыть того, что произошло в 1715 г., и сколько городов, замков, дворянских поместий, поселков, медных и железных рудников было сожжено в то время русскими войсками. Естественно, что они опасались вновь подвергнуться подобному разорению, и вынуждены будут согласиться заключить мир на условиях российской стороны. К тому же, считал Уич, эти условия должны быть признаны умеренными, поскольку войну начали шведы, и царица, «чтобы удовлетворить народ, не может не настаивать на новой границе для защиты своих владений от внезапного вторжения со стороны Финляндии»³¹.

По условиям Абоского мира России отходила территория в 226 кв. миль, в том числе Кюменигордская губерния с крепостью

³¹ Там же. С. 336.

Нейшлот и городами Фридрихстан и Вильманstrand. Эти территориальные приобретения позволили России укрепить северо-западную границу и отодвинуть ее от столицы. Было выполнено также требование Елизаветы Петровны об избрании наследником престола ее ставленника епископа Любекского. По условиям договора Швеция вновь подтвердила согласие признать территории, отошедшие к России согласно условиям Ништадтского мира. В целом Або-ский договор позволил закрепить положение России на Балтийском море.

В то же время, как отмечали российские историки, несмотря на значительные военные успехи, «территориальные приобретения России (Кюменегорская провинция и часть Саволакской провинции) были весьма скромными». Тем не менее, эти уступки со стороны России явились «верным и достаточно дальновидным шагом». Уже осенью 1743 г. Швеция, опасавшаяся нападения Дании и роста крестьянских волнений в своей стране, подписала с Россией декларацию о военной помощи³². Тем самым была не только достигнута стабильность в русско-шведских отношениях, но и сорваны планы Франции, стремившейся оказывать влияние на внешнюю политику России.

Весть о подписании мира со Швецией достигла Петербурга 3 июля, и в 7 часов утра была отмечена пушечной стрельбой. Уич не преминул сообщить об увиденном госсекретарю. В 10 часов утра императрица в сопровождении великого князя торжественно прибыла в Казанский собор к обедне, после которой раздались три пушечных залпа у дворца и у адмиралтейства, а три гвардейских полка, выстроенные перед церковью, стреляли беглым огнем. Затем Елизавета Петровна возвратилась в Летний дворец, где все представители иностранных держав поздравляли ее. «После полудня ко двору являлось с поздравлениями государыне множество высоких особ обоего пола. Вечер завершился иллюминацией города»³³.

При царском дворе начались торжества, посвященные заключению мира, которые продолжались не один день и завершились великолепным фейерверком. Но всё, что происходило в Петербурге, как писал Уич, составляло только первую часть празднеств по поводу мира. «Вторая — лучшая часть их предстоит в Москве. Там же объявлены будут производства, розданы почетные награды, объявлена ... амнистия»³⁴.

³² История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 91.

³³ СИРИО. Т. 99. С. 369–370.

³⁴ Там же. С. 411–412.

Итак, как показал анализ свидетельств британских послов о русско-шведской войне, их информация была во многом достоверна, поскольку была получена, что называется, из первых рук, прежде всего от высших чинов русской армии. Оба посла признали смелость и героизм русских воинов, проявленных в боях с противником, а также гуманное обращение с пленными шведскими офицерами. В то же время дипломаты обратили внимание на проявление жестокости со стороны отдельных частей иррегулярных войск, участвовавших в рейдах по Финляндии. Из депеш послов выяснилась также позиция, занятая рядом стран в отношении конфликта России и Швеции: враждебная со стороны Франции и в целом благожелательная со стороны официального Лондона, не желавшего портить отношений с русским двором в преддверии заключения союзного договора. Представленные британскими послами факты о русско-шведской войне, с которыми до сего дня не были знакомы наши современники, бесспорно, дополняют историю данного события.

References

Istoriya vneshney politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoy voyny do voyny Rossii protiv Napoleona) [History of Russia's Foreign Policy. Eighteenth Century (From the Northern War to the War of Russia against Napoleon)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. 304 p.

Labutina T.L. *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in Pre-Petrine Russia]. Saint Petersburg: Aleteia, 2011. 268 p.

Pokhlebkina V.V. *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh* [Foreign Policy of Rus', Russia and the USSR in the Course of 1000 Years: Names, Dates, Facts]. Issue 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. 781 p.

Shefov N.A. *Samyye znamenityye voyny i bitvy Rossii* [The Most Notworthy Wars and Battles of Russia]. Moscow: Veche, 2000. 526 p.

Shpilevskaya N.S. *Opisaniye voyny mezhdu Rossiyey i Shvetsiyey v Finlyandii v 1741, 1742 i 1743 godakh* [Description of the War between Russia and Sweden Waged in Finland in 1741, 1742 and 1743]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya, 1859. 275 p.

Поступила в редакцию
6 декабря 2022 г.